

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я презираю ностальгию.

Однажды вечером на ужине в Санто-Доминго у Оскара де ла Рента литературный агент Свифти Лазар повернулся ко мне и сказал:

— Твоя проблема, куклолка, — именно так он всегда меня называл, — в том, что весь твой мир — сплошная ностальгия.

— Послушай, Свифти, — ответила я, — каждый выживает как может, так что заткнись!

И двинула ему по носу. Он немало опешил. Взял фарфоровую тарелку и сунул ее под смокинг, чтобы защитить сердце. Я ударила по тарелке.

Ностальгия — только подумайте! Да я не верю ни во что, кроме пенициллина.

Хотя я скажу вам, во что *действительно* верю. В согревающие пластыри.

Позвольте описать один весенний вечер 1978 года.

У меня был поздний ужин в ресторане San Lorenzo в Лондоне с блестящим фотографом Дэвидом Бейли и Джеком Николсоном. Вам не кажется, что Джек — лучший актер из всех? У него весьма убедительное лицо и такие забавные раздувающиеся ноздри, согласны? И кое-что еще, чем обладают все великие актеры, — шикарная мимика. Вам доводилось видеть его пародию на Ахмета Эртегюна, турка, основавшего Atlantic

Records? Джек улавливает это... *ничто* — невероятную энергию танца дервишей, которая бурлит в Ахмете. Я считаю, что понять другого можно только через пародию на него. Чаще всего напрямую от самого человека вы этого понимания не получите.

Но я хочу рассказать о вечере.

Меня беспокоил мой дорогой друг Джек Николсон, который не мог даже присесть, потому что его спина находилась в ужасающем состоянии.

Спина, чтобы вы знали, — наиважнейшая часть нашего тела. Я никогда не чувствую себя уставшей под конец дня — никогда. Это благодаря тому, как я сижу. В Метрополитен-музее у меня тот же кухонный стул, который стоял в редакции Vogue. Мне его отправили, потому что никто не стал бы пользоваться столь безобразной вещью в своем шикарном кабинете. Однако он поддерживает мою спину у самого основания, и это важно. Еще у меня есть маленькая резиновая подушка, которую я кладу под поясницу, и она помогает моей спине тянуться строго вверх, вверх, вверх. Всякий, кто приходит в мой кабинет в Метрополитен-музее, узнает в подушке медицинскую принадлежность — что ж, *так и есть*, она продается в аптеке. Но мне она дает возможность держаться прямо и высоко — и это волшебно.

Вернемся к тому вечеру. Спина Джека была так плоха, что в ресторане он не мог даже сесть. Он ходил кругами, кроша в руках сигареты... и страдая. Тогда я сказала:

— Твоя спина меня достала! Ты пьешь все существующие таблетки, но не делаешь так, как я говорю. Сегодня я тебя вылечу. Я возьму твоего водителя?

Конечно, старый Бейли, обосновавшийся там подобно опухоли, заметил в своей *dégagé** манере:

---

* Непринужденной (*фр.*). Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика и редактора.

— Ты ничего не найдешь в это время суток, Вриланд. Ты сошла с ума. Тебе невдомек, что это за город.

Зря я не заключила с ним пари.

— Я знаю этот город лучше тебя. И представляю, куда нужно ехать — в Boots the Chemist на площади Пикадилли. Они открыты круглые сутки. Покупай что хочешь. Попроси — и забирай.

Я в одиночестве вышла на улицу, нашла машину Джека и сказала Джорджу, его водителю:

— Я сыта по горло мистером Николсоном! Он не понимает: мне прекрасно известно, что такое больная спина. Ему нужно снять спазм. Согревающим пластырем. Я хочу поехать в Boots the Chemist на площади Пикадилли. Аптека же еще существует?

— Конечно существует, мадам.

И мы отправились туда в самом большом «мерседесе», какой вы когда-либо видели. Но я начала думать, что старый Бейли в чем-то может оказаться прав. Вдруг Boots *открыта* только для экстренных случаев. Я сказала водителю:

— Джордж, я буду думать вслух... Не обращай внимания на мои слова. Я поговорю сама с собой. Я постоянно так делаю. Это мой способ формулировать мысли. Кажется, когда мы приедем, мне стоит *притвориться* больной... Это произведет на них должное впечатление. Так что сейчас я очень больна... Я практически не чувствую ног! Как тебе такое, Джордж?

— Как скажете, мадам.

Мы приехали. Разумеется, Джорджу едва удалось вытащить меня из машины. Мы вошли внутрь. Джордж поддерживал меня, а я, само собой, цеплялась за стеклянные витрины, сиявшие чистотой и красиво подсвеченные, — они были такими же, когда я покинула Лондон больше сорока лет назад.

В те годы люди являлись в Boots the Chemist в полночь за афро-дизиаками — «Шпанской мушкой», «Янтарной луной», — чрезвычайно популярными тогда. Вы могли что-то слышать о «Шпанской мушке». И возможно, ничего не слышали о «Янтарной луне», хотя на нее был *невероятный* спрос. Однако тем вечером меня не интересовали ни «мушка», ни «луна». Я попросила только согревающий пластырь. Аптекарь сунул руку под прилавок и достал одну штуку.

— Я возьму... *два*, — сказала я. — Как видите, я в ужасной форме. Я забрала пластыри и вернулась в огромный «мерседес».

Мы снова приехали в ресторан и вместе с Джорджем подошли к столику.

— А теперь послушай, Бейли, — объявила я. — Ты, может, и родился под звон колоколов Сент-Мэри-ле-Боу*, но и я тут не новичок. Я отлично знаю город. Мне в этом месте продали бы все, о чем бы я ни попросила.

Потом я обратилась к Джорджу, с которым очень сблизилась за это время:

— Проводи мистера Николсона в мужскую уборную. Возьми над ним шефство, а я расскажу, что конкретно ты должен сделать с пластырями.

— Нет уж, к черту! — возмутился Джек. — Ты спустишься со мной и приклеишь пластыри собственными руками.

Хорошо ли вы знаете ресторан San Lorenzo? При входе с улицы в нем расположены женская и мужская уборные. Думаете, нас это интересовало? Нет. Прямо в холле. Он спустил свои брюки...

— Ты в отличной форме, — заметила я. — В весьма притягательной, должна признать. Такие округлые и розовые.

---

* Сент-Мэри-ле-Боу — одна из самых известных церквей Лондона, построенная в 1671–1680 годах.

Я принялась снимать с пластыря бумажную защиту. Большие розовые ягодицы ждали меня, но бумажка никак не поддавалась.

— Тебе стоит натянуть брюки, — посоветовала я, — потому что кто-нибудь может войти за эти несколько минут и счесть происходящее довольно странным.

Он помотал головой. Казалось, его это нимало не беспокоило. Наконец я справилась с пластырем и сказала:

— Джек, сейчас я его приклею. Когда я сделаю это, тебе нужно будет наклониться и ерзать, ерзать, ерзать, чтобы он не пристал слишком плотно, — я показала как. — Иначе ты больше не сможешь пошевелиться.

К тому времени на другой стороне улицы собралась небольшая группа зрителей, наблюдавших за нами через дверь. Я аккуратно приклеила пластырь. Его тепло заставило Джека выпрямиться. Он надел брюки. Теперь он хотя бы мог сесть. Мы поднялись по лестнице в зал. Поели. Не спрашивайте, в котором часу закончился ужин: было поздно. Эти двое собирались на какую-то вечеринку. Так что мы сели в «мерседес», и вскоре я очутилась в северной части Риджентс-парка.

— А сейчас, — сказала я, — вы должны отвезти меня домой.

— Да ладно, Вриланд, — отмахнулся Бейли. Он всегда называл меня Вриланд, а я всегда звала его Бейли. — Ты тусишь и в более позднее время.

— Никаких вечеринок, — ответила я. — Не хочу видеть никого, кроме вас. Но поскольку мы уже здесь... давайте съездим на другой конец Риджентс-парка, к моему прежнему дому на Ганновер-Террас, который я не видела с тех пор, как оставила Англию в 1937-м.

Можете себе представить, как их воодушевила эта идея. Все дома на Ганновер-Террас похожи друг на друга. Мой, разумеется,

отличался — стоило только войти внутрь. В конце улицы располагался Ганновер-Лодж — дом, принадлежавший леди Рибблсдейл, где жила моя любимая подруга Элис Астор, она же Алиса Облонская, Элис фон Гофмансталь, Элис Бувери и так далее и так далее... Как ни крути, для меня она Элис Астор — дочь Джона Джейкоба Астора, который ушел ко дну вместе с «Титаником». Великолепная, неземная женщина. Слава богу, ее не было в здании, когда на него упала бомба, — строение полностью разрушилось.

Я вышла из машины и направилась к нашему дому. Подошла к двери. Раньше дом принадлежал сэру Эдмунду Госсу — заметному литературному деятелю начала этого века и конца прошлого — ну, знаете, *Yellow Book** и все в этом духе. В половине мемуаров того времени упоминается этот адрес: Ганновер-Террас, 17. Мы купили дом у вдовы писателя в 1929 году. Фасад был *rien*** , но сам дом — божественный. За садом находилась кладовая...

Обожаю кладовые. Я могла бы взять свою кровать, поставить ее в кладовой и спать среди сыров, дичи, мяса, вдыхая ароматы сливочного масла и земли. Здесь, в Нью-Йорке, да и вообще повсюду, я говорю людям: «Что с вами не так? Везде, где есть сад, должна быть кладовая. Все, что вам нужно, — немного хорошей земли: выкопайте яму и сделайте кладовую!» О, наша кладовая была так притягательна...

В самом конце сада, на месте бывших конюшен, располагался гараж, где стоял наш великолепный «бугатти». У нас был водитель, такой молодой, что стоило двум моим сыновьям подхватить ветрянку, свинку или корь, как он тоже заболел. Всю войну он писал нам

---

* *Yellow Book* — английский литературный журнал, издававшийся в 1894–1897 годах. Эдмунд Госс публиковался в нем и дружил с двумя его главными редакторами.

** Никакой (*фр.*).

письма. Через какое-то время после нашего переезда в Нью-Йорк он поступил на работу в Букингемский дворец и стал вторым водителем принцессы Елизаветы. И однажды сообщил мне: «Теперь, мадам, я вожу ее величество королеву». Разве это не изумительная жизнь?

Над гаражом размещались комнаты прислуги, где я установила обогреватели, умывальные чаши и организовала хорошую ванную — совершенно без надобности, как не меньше трех раз в неделю говорили мне слуги. Они до смерти боялись обогревателей — опасались, что те взорвутся. Никто из них так и не рискнул открыть воду ни в одной из спален. Удивительный народ. Они испытывали ужас перед водопроводом. Зато от меня не уходили. После моего переезда в Америку две горничные также поступили на службу в Букингемский дворец, потому что экономка знала кого-то при королевском дворе. Ведение домашнего хозяйства было важной частью английского быта в то время. Слуги жили своей жизнью. Но работали мы все вместе. Вот почему, покинув Англию, я смогла сотрудничать с Harper's Bazaar: я умела работать, потому что знала, как управлять домом. Боже мой... Единственным моим шансом научиться чему-либо в жизни оказались те двенадцать лет в Англии!

Но я хочу вернуться к тому вечеру. Я подошла к двери...

Фигурно подстриженные кусты пропали. Само собой, у нас был сад с зелеными скульптурами. Наверху лестницы, по обе стороны от двери, я разместила кусты в форме медведей. Сады, как вы знаете, такая же неотъемлемая часть Англии, как нос — неотъемлемая часть человеческого лица. В нашем доме по адресу Ганновер-Террас, 17 возле высоких французских окон в гостиной росли апельсиновые деревья — я ездила за ними в Ковент-Гарден ни свет ни заря, — а на полу стояли горшки с цинерарией всех мыслимых цветов. Стены были выкрашены в изумительный бледный оттенок охры, который я скопировала с лица

китайца, изображенного на коромандельской ширме*. Присутствовал там и ситец цвета бристольский голубой — думаю, вы представляете себе этот цвет, — декорированный бантами и огромными красными розами. Окна доходили до самого пола, а за ними раскинулся Риджентс-парк с его чудесными цветами, деревьями, вечнозелеными самшитами. И криканьем уток поутру. Когда мы ложились в постель, что неизменно происходило весьма поздно, в парке кормили львов — они рычали, поедая свой ужин. О, как это волшебно — слышать львиный рык посреди города!

Вот где мы жили. Мой муж работал в банке Guaranty Trust. Каждый день он выходил на работу в пятнадцать минут девятого — точно вовремя, — одетый с иголочки.

Рид тщательно следил за своей одеждой. Он покупал множество вещей: шелковые сорочки, неброские офисные сорочки, целые кипы белых накрахмаленных сорочек — в немыслимых количествах и безупречного качества. Еще, еще и еще! А шляпы! Они *так* хороши. Большую их часть я раздарила. Нескольким приятелям, которым эти шляпы нравились. Осталось пять или шесть штук — я передам их в Музей**. Все до единой тщательно скроенные, они сидели идеально. Красивейший фетр — совершенно ни в чем не уступающий атласу. Шляпный магазин Lock's на улице Сент-Джеймс. Рай для мужчин, настоящий *рай*. Помню последнего человека, приподнявшего шляпу при встрече со мной. Это было так элегантно и прелестно. Я шла по Пятой авеню, когда Ронни Три*** шагнул на тротуар. Он был в котелке. Если вы помните, у него

---

* Коромандельские ширмы — лаковые ширмы ручной работы, выполненные китайскими мастерами в эпоху Мин; славятся своим прорезным декором, перламутром и черным лаком. Являлись предметом восхищения и коллекционирования Коко Шанель.

** Здесь и далее под Музеем подразумевается Метрополитен-музей.

*** Рональд Три (1897–1976) — скандальный журналист, отец английской модели Пенелопы Три. *Прим. науч. ред.*

жесткие волосы, густо растущие вокруг ушей. Вы представляете, как роскошно это смотрится. Со шляпой — великолепно. Тут требуется особая голова — с очень жесткими волосами. Он сделал это: приподнял шляпу — и его жест выглядел очаровательно. Красиво. Незабываемо.

Но потом все закончилось, не так ли? И те здоровые розовощекие английские лица — обветренные и улыбающиеся — тоже исчезли, согласитесь. Тот яркий цвет. Его им дарил сильный влажный ветер. Полагаю, современные парни не охотятся так много. Но в начале шестидесятых шляпы умерли в одночасье. Я помню, как однажды утром, очень рано, Рид зашел ко мне попрощаться и на нем не было шляпы.

— На тебе нет шляпы, — сказала я. Он всегда приходил для прощания полностью одетый.

Рид ответил:

— Я больше не ношу шляпы.

Вот и все.

Вернемся к Ганновер-Террас. Внутри было чудесно — но весьма обыденно, понимаете? Я хочу сказать, мы не создавали какой-то необычной атмосферы с помощью... освещения. Апельсиновые деревья у окна, свет с улицы... Очень английский свет.

Тем вечером я стояла у парадной двери и смотрела. Крыльцо тщательно ухоженное — это чисто английская особенность, ему придают особое значение. А вот дверь выкрашена в чудовищный цвет. Когда мы жили здесь, она была из выбеленной древесины — как следует зачищенной и отполированной. Все внутренние двери — оранжево-красные, но красная парадная дверь... В мое время через такую в дом не входили. Я стояла перед этой дверью. В боковое окно поглядеть тоже было не на что. Дом стал безликим. Однако на двери висел мой старый дверной молоток в виде трогательной маленькой руки. Он здесь с 1930 года, пережил бомбежку и всю эту кровавую историю. Дверной

молоток! Нет, это нечто большее. Я купила его в Сен-Мало*, будучи еще совсем молодой, — и мы чуть не опоздали на корабль, отправлявшийся туда, куда мы планировали попасть. Я сказала Риду:

— Какая ручка — она мне так нравится!

Мы постучали в дверь, к нам вышла женщина, и через двадцать минут — французы невероятно щедры, когда им предлагают деньги, — ушли с дверным молотком. Любопытный молоточек в викторианском стиле — не grand' chose**, но, боже мой, он безумно хорош!

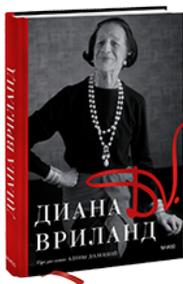
Я повернулась, спустилась по ступеням, села в машину и сказала Дэвиду Бейли и Джеку Николсону:

— А теперь мы отправляемся на вечеринку!

---

* Сен-Мало — город и порт на северо-западе Франции.

** Шедевр (*фр.*).

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

